

ОЧЕРК ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ «ЗЕЛЕНОГО ДВИЖЕНИЯ» В ЛЕНИНГРАДЕ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ С КОНЦА 1970-Х гг. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Ю.С. Шевчук

Северо-Западная общественная организация «Зеленый крест», Санкт-Петербург, Россия

Эл. почта: grey.60@bk.ru

REFLECTIONS ON THE DEVELOPMENT OF “GREEN MOVEMENT” IN LENINGRAD–SAINT-PETERSBURG SINCE LATE 1970-ies UP TO PRESENT

Yu.S. Shevchuk

Northwest Public Organization “Green Cross”, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: grey.60@bk.ru

Вступление

В данном очерке рассказывается о том, чему автор лично был свидетелем. На этом фоне представлено развитие идеи «зеленого движения». Хотелось бы, чтобы читатель вместе с автором поразмышлял над тем, как из замечательного семени выросли такие уродливые и в чем-то опасные «зеленые» мутанты, подумал, почему это произошло, и решил, что лично он может сделать, чтобы развитие движения вошло в конструктивное русло.

«Зеленое движение» в СССР (до перестройки)

Официально экологические инициативы в СССР направляло и курировало ВООП (Всероссийское общество охраны природы), созданное еще в 1920-х гг. Независимое общественное движение началось в 1958 г., с момента образования студенческих природоохранных кружков.

О начале «зеленого движения» в СССР Сергей Мухачев, его зачинатель и активный деятель, пишет так¹:

«В 1958 году возникло два научных кружка студентов, связанных с охраной природы. Если один из них – объединивший студентов Тартуского университета и сельхозакадемии – был целиком направлен на природоохранное самообразование и пропаганду, то второй – в Ленинградской лесотехнической академии – поставил задачу воздействовать на реальную практику ведения лесного хозяйства на основе неистощительного комплексного использования ресурсов леса.

Эти кружки целиком остались в 1960-х годах, хотя Тартуский существовал и далее и существует сейчас, он не занял заметного места в Движении ДОП, да и никогда не стремился к этому, ибо специфика работы по охране природы в Эстонии совершенно иная, чем на остальной (вне Прибалтики) части СССР, где разнузданная дикость была и остается нормой жизни как бюрократии всех мастей, прези-

рающей народ, так и самых широких масс населения, ненавидящих эту бюрократию за то, что она лишает их права на грабеж природных ресурсов, какое узурпировала сама».

В 1960 г. образовалась Дружина охраны природы МГУ, в 1967 г. – «Зеленая дружина» биофака ЛГУ в Ленинграде. Название «дружина» объяснялось тем, что правовые основы деятельности дружинников были теми же, что и для ДНД – массового правоохранительного движения в СССР. Кроме удостоверенных народных дружинников, члены ДОП (дружин охраны природы), как правило, имели удостоверения общественных инспекторов ВООП, а также ряда других общественных инспекций государственных ведомственных природоохранных структур – Охотинспекции, Лесной инспекции, Рыбоохраны, инспекции охраны вод и так далее. Каждая инспекция занималась чем-то своим и ревностно следила за тем, чтобы «коллеги» не лезли в пределы ее юрисдикции. Но так как в лесу нарушения бывали обычно комплексные и те же рыбные браконьеры могли еще и срубить пару деревьев для костра, часто бывало необходимо таскать с собой в рейды целый набор «корочек».

Члены ДОП были, в большинстве своем, студентами, то есть молодыми ребятами и девушками лет 18–20, и занимались, в основном, оперативной работой. Теоретически это было весьма рискованно – выходить без оружия на вооруженного браконьера или втроем «брат» целый вагон электрички, полный браконьеров, везущих елки на продажу. На практике все получалось спокойнее, хотя сопротивление ДОПовцам нередко оказывали, много было избитых, и около десятка инспекторов были убиты в рейдах. Сказывалось то, что курировали студентов молодые ученые, тоже прошедшие школу ДОП и понимающие значение «школы» в любой сфере деятельности. Был создан хороший свод правил проведения оперативной работы, и поэтому члены ДОП работали и результативнее, и осторожнее своих старших товарищей. На начало 80-х гг. прошлого века в Ленинграде

¹ <http://do.gendocs.ru/docs/index-141431.html?page=6#4105272>

и области было 5500 инспекторов ВООП, и они, все вместе взятые, задерживали столько же браконьеров, сколько 50 членов двух ДОП, базирующихся в ЛГУ и Лесотехнической академии.

В ДОП были замечательные люди. Самые смелые мальчишки. Самые красивые девушки. Они, буквально не щадя своей жизни, шли на браконьерские стволы, чтобы защитить прекрасное творение природы. И еще – они были свободны. Пожалуй, максимально свободны, с учетом условий советского общества. Они сами определяли, чем будут заниматься, ехали в рейд не «туда, куда пошлют», а куда сами решили, задерживали браконьеров, невзирая на их должности и звания... Правда, в случае задержания партийных чиновников начинались давления на ДОП, и пару раз в СССР дружина решала самораспуститься, нежели «прогнуться» под начальство... Но все равно – даже самороспуск был благороден, как самоубийство самурая.

Между тем нарушителей природоохранного законодательства становилось с каждым годом все больше и больше. Рейды ДОП приобрели характер демонстрационных акций, не влияющих на положение вещей. Во время «Елочной кампании» на одном вокзале (сил перекрыть все вокзалы у студентов не было) конфисковывалось примерно 500 браконьерских елей – столько же привозил в Ленинград один браконьерский грузовик. Но расширять круг «освященных» ДОПовцы-биологи не хотели. Дорожили ли своей исключительностью или не верили, что кто-то кроме биологов будет любить природу, – не знаю. Скорее, просто не верили в то, что где-то есть еще такие же. Забегая вперед, скажу, что в чем-то они, искусственно сдерживающие развитие дружинного движения, были правы.

Малая результативность общественной инспекции не устраивала молодого и амбициозного в хорошем смысле этого слова сотрудника Леноблггорсовета ВООП Владимира Гущина. В этом он нашел во мне и моих друзьях динамичных партнеров. Мы начали кампанию по тиражированию опыта «Зеленой дружины» ЛГУ – вначале в рамках Университета. Первой созданной нами дружиной стала ДОП физического факультета ЛГУ. Второй – дружина Политехнического института. А дальше процесс пошел сам, и к 1981 г. у нас уже было полтора десятка дружин охраны природы с двумястами инспекторами. (Всего в Ленинграде было создано около семидесяти Молодежных дружин охраны природы – МДОП.) Теперь на «Елочной кампании» мы могли контролировать все вокзалы и платформы, сопряженные со станциями метро. Весной мы полностью перекрывали мобильными группами город и за два года свели на нет торговлю дикорастущими цветами. И наконец, мы открыли настоящую охоту на пикничников.

Попасть в дом отдыха в СССР было трудно, турбаз было мало и они были ведомственными – то есть чужих туда не пускали. Поэтому около миллиона людей каждые летние выходные выезжали за город, разбивали палатки и разводили костры на берегу рек и озер, рубили лапник под палатку, молодые деревца – на колышки для нее и, уезжая, часто оставляли после себя жестяные банки и пустые бутылки. Эта орда наносила вред природе, вполне сравнимый с хищничеством крупных браконьеров, просто в силу своей многочисленности. Мы первыми решили устраивать рейды по местам массового отдыха – и за день сос-

тавливали около двух десятков протоколов на нарушителей. Нарушения были примерно на каждой третьей стоянке.

Планированием и развитием движения занимались единицы, но нарушителей ловить выезжали в большой компании. Всех сейчас и не вспомнить, но могу сказать – это были в основном честные и бескорыстные люди.

Как видите, мы все дальше уходили от дружинной романтики, ночных костров и борьбы с охотниками – браконьерами. Хотя бы потому, что до браконьеров еще надо было дойти, а нарушители – вот они, рядом. Планируя дальнейшее развитие движения, мне представилось, что вскоре нам предстоит решать проблемы, а не реагировать на их нерешенность – а решенные проблемы зависят от успешного комплексного, разностороннего подхода к ней. Так мы выработали модульную схему, благодаря которой любое частное лицо или общественная организация, если будет в состоянии по своим интеллектуальным, кадровым и финансовым возможностям следовать алгоритму действий в схеме, сможет решить любую общественную проблему – что природоохранную, что иную. Схема пережила советскую власть и не устарела. Я до сих пор использую ее при обучении молодых активистов «зеленого движения». Смысл схемы – в скоординированной работе по всем возможным для общественной организации направлениям деятельности – и оперативной работе, и пропаганде, и научной деятельности, и лоббированию в органах власти, и технической работе по восстановлению нарушенного природного равновесия... Разумеется, это требовало высокой квалификации сотрудников «зеленых» организаций. Так был положен переход к профессионализации движения.

Схема-то была хорошей. Но общая апатия на исходе советской власти, тотальное неверие в то, что от одиночки что-то зависит, мешало ее осуществлять. Чем-то то время похоже на нынешнее...

К тому же общегосударственное «завинчивание гаек», совпавшее с уходом из движения поколения 1960-х, ветеранов борьбы с браконьерством, и проникновение в СССР докладов Римского Клуба, показавшего пределы роста цивилизации, привело к кризису движения. «Зеленые» одними из первых на планете столкнулись с проблемой исчерпанности будущего. Как и для чего жить, если будущего нет? На этот вопрос «зеленое движение», еще отравленное оптимизмом коммунистической идеологии, ответить, конечно же, тогда не могло. Должны были пройти десятилетия... (подробнее – в эпилоге).

«Зеленое движение» в СССР во времена перестройки

Мне всегда было более интересно разрабатывать схемы общественного участия в жизни государства, чем воплощать их в реальность. По мере роста гипертрофированности оперативного направления в «зеленом движении», сопровождающегося дальнейшей деградацией среды обитания, становилось ясно, что если положение не изменить, то вскоре в движении останутся только те, кто в силу малого интеллекта не может осознать это противоречие. В дальнейшем они просто пошлют подалеке высоколобых теоретиков и будут бродить по лесам, собирая взятки с нарушителей (подробнее об этом – в книге «Сказки темного

леса»). Требовались иные кадры для движения, иной вид общественного участия.

В самом начале перестройки появились добровольные помощники – в основном для реставраторов исторических памятников, но были и те, что убирали мусор по лесам. Я и сам поучаствовал в трех-четырёх таких коллективных уборках, чтобы понять, есть ли тут перспектива по развитию общественной инициативы. Мне показалось, что это тупиковый путь. Люди, участвующие в субботниках, очень быстро начинают замечать, что мусора не убавляется и на полупьяных пикничниках их пример что-то не слишком действует. И тогда они либо переходят к оперативной работе, либо просто бросают это дело.

В 1986 г. мы участвовали в работе Центра творческих инициатив. Его придумал и практически в одиночку создал Сергей Пилатов, тогда – сотрудник горкома ВЛКСМ. Ему помогали работавшие там же Светлана Агапитова, Алексей Измайлов, Любовь Абрамова и сотрудник обкома ВЛКСМ Владимир Ульянов. В Центр мы смогли привлечь практически все творческие и общественные силы, подходившие тогда под определение «неформалов», в частности – группу «Спасение памятников истории и культуры» под руководством Алексея Ковалева, ныне – видного учёного и депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга многих созывов. Я создал группу «Бюро экологических разработок». Главной нашей разработкой было решение кадрового вопроса «зеленого движения», но об этом, естественно, я никому не говорил. Мы пытались объединить культурные инициативы и борьбу за охрану природы, но эксперимент вышел неудачным. Большого успеха на этом поприще достиг Алексей Лушников, тогда фактически возглавлявший созданное Даниилом Граниным общество «Милосердие», сумевший привлечь к своей работе творческие и богемные круги Ленинграда. Эксперимент с БЭР изжил себя где-то в году 1988-м, но Бюро продолжало по инерции функционировать до 1993 г.

Между тем начались попытки создания Партии «зеленых». В Ленинграде этим занялись комсомольские активисты, в Поволжье – анархисты, в том числе – Сергей Фомичев, живущий сейчас в Киеве и пишущий хорошие фантастические романы. Мне всегда казалась странной политическая деятельность «зеленых». Вначале, наверное, следовало бы определить социальную базу партии и решить, почему любители природы решат за нее голосовать... Как бы то ни было, все попытки политической деятельности «зеленых» оканчивались набором 2% голосов на республиканских выборах. В то же время «зеленое движение» явно имело политический потенциал. Оно вообще было самой отоброшенной частью гражданского общества позднего СССР.

Я решил поставить эксперимент в общероссийском масштабе и этот потенциал раскрыть. Для чего надо было посетить как можно больше городов, встретиться лично с местными «зелеными» лидерами и убедить их развернуться лицом к политической жизни, используя как трамплин любую более-менее близкую по духу политическую силу, не дожидаясь успеха «зеленых политиков». На подготовку эксперимента ушло два года. С самого начала было понятно, что перелеты и пребывания в гостиницах отпадают – я бы хотел ездить с командой, но далеко не везде можно было найти ночлег для всех, не говоря

уже об аудиториях для встреч, и объехать за одно путешествие 40 городов было бы очень тяжело физически. К тому же вначале надо было договориться, чтобы нас ждали, а значит, посылать впереди себя еще одну группу... Выходом стало использование комсомольского агитационного поезда. Вообще-то в СССР их было три. Мы задействовали один, самый лучший, усилив его вагоном из второго поезда. Итого в составе получилось 12 вагонов, не считая передвижной дизельной электростанции (далеко не везде в Советском Союзе железные дороги были электрифицированы). Наша команда разместилась в двух жилых вагонах, каждому было предоставлено одноместное купе. Еще в двух вагонах размещался экипаж поезда. Также в поезде были бытовая вагон с душем, сауной, прачечной и лазаретом, вагон-ресторан, вагон-видеосалон, вагон-лекторий, вагон-салон для переговоров, вагон-спортзал с тренажерами, вагон-библиотека, вагон-клуб, где проводились дискотеки по выходным... Я очень благодарен и экипажу этого поезда, и участникам нашего путешествия – в особенности бардам Александру Черкасову, ныне, к величайшему сожалению, покойному, и Валерию Куранову из творческого объединения «Этап». Мы ездили на этом поезде три раза: две поездки были пробные, в 1990 г.; одна – полномасштабная, от Мурманска до Ташкента, в 1991 г. сквозь разваливающуюся страну, сквозь тяжелую ненависть, уже захлестывающую людей, мимо пустых полок магазинов, мимо сепаратистов, мимо растерянных партаппаратчиков... Встретившись с массой «зеленого» народа и проследив за их последующими действиями, я смог «на выходе» констатировать, что в выборах начала 1990-х наши люди участвовали и многие победили и вошли во власть. Правда, впоследствии они из этой власти были в большинстве своем вытеснены – но это уже другая история.

В 1988–1989 гг. были созданы два общероссийских движения – «Российское зеленое движение» и «Социально-экологический союз». Второе основывалось на проверенных биологических дружинных кадрах. Я был на первом съезде СоЭС. Мне показалось, эта инициатива не интересна – сразу были видны и достоинства, и недостатки вновь создаваемой организации... СоЭС существует и по сей день – даже перешел в разряд международной организации.

Куда как больший потенциал я увидел в Российском «зеленом движении», куда меня пригласил его основатель Олег Максимович Попцов. Тогда он работал главным редактором журнала «Сельская молодежь». Из природоохранных мероприятий за этим журналом числилась всесоюзная экспедиция «Живая вода», действительно очень стоящее дело.

Первый съезд мы готовили в течение года и собрали довольно хорошую команду со всей страны. В руководстве РЗД были ставшие впоследствии известными политиками такие люди, как Е.Т. Гайдар и В.И. Данилов-Данильян. У РЗД было хорошее лобби во властных структурах России. В общем, мы уже тогда понимали неизбежность обрушения Союза и перехода всей полноты власти в руки республиканских органов. Плохо было то, что, как только это произошло, московские кадры РЗД пошли во власть и практически (кроме Данилова-Данильяна, ставшего министром охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ) больше не занимались экологией.

О.М. Попцов стал руководить ВГТРК, и ему также было очень сложно заниматься РЗД. Движение просуществовало до середины 1990-х, было выпущено много теоретической литературы, выходил журнал «Евразия», где я регулярно печатался, под руководством Виктора Ярошенко (сейчас Виктор Афанасьевич выпускает журнал «Вестник Европы») – в общем, у меня остались о работе в РЗД хорошие воспоминания.

В провинции дело обстояло примерно так же. В Екатеринбурге активист движения «зеленых» Николай Калинин стал председателем Екатеринбургского областного совета Всероссийского общества охраны природы и депутатом Екатеринбургского облсовета; в Уфе – активист движения Николай Смотров становился депутатом горсовета и заведующим отделом охраны природы мэрии; в Саратове – председатель клуба «Эколог» Николай Макаревич стал председателем облсовета; в Орске – «зеленый» Виктор Крамарь стал председателем горсовета; в Оренбурге – лидер «Зеленого комитета» Тамара Злотникова стала председателем Областного комитета охраны природы, затем – депутатом Госдумы РФ... Но эти успехи были недолгими.

В конце 1980-х гг. «зеленое движение» вырвалось из рамок студенческих дружин и приобрело опыт успешной работы. По наиболее мощным организациям Движения: в Мурманске, Петербурге, Херсоне, Киеве, Нижнем Новгороде, Казани, Уфе, Саратове, Волгограде, Липецке, Екатеринбурге, Оренбурге, Красноярске, Березниках, Алма-Ате, Пятигорске, Киришах, Новомосковске – мы имели значительное количество выигранных дел, заключающихся в прекращении (или предотвращении) локальных или региональных кризисных явлений в окружающей среде.

Движение получило идейных и практических союзников в лице Лиги зеленых партий, Ассоциации движений анархистов и московской организации Российской партии зеленых. Движение имело в своем распоряжении кадры, руководящие региональными отделениями, производственными и коммерческими структурами, информационной сетью, агентами влияния и так далее. Но в то же время мы видели вокруг быстрый рост темпов ухудшения состояния окружающей среды, объективную невозможность в обозримом будущем изменить это положение, отсутствие материально-технических возможностей для предотвращения дигрессии окружающей среды на территории страны. Видя, что обещания «зеленых», данные ими в ходе, например, предвыборной борьбы, не выполняются, общественное мнение начало отказываться «зеленым» в поддержке.

Пока шли заседания общероссийского масштаба, а я размышлял над дальнейшей судьбой «зеленого движения», в стране, в полном согласии с ленинским тезисом о «революционном политическом творчестве масс», шло кипение и бурление. Кроме местных инициатив, вызванных серьезными причинами, таких как остановка по требованию экологов производств в Киришах, Приозерске, Выборге, поднялось очень много пены. Любое собрание экологов осаждали ходящие почему-то босиком бородастые мужички, дамочки в развевающихся хламидах, увешанные фенечками подростки, сумасшедшие велосипедисты и иные поклонники здорового образа жизни... Вся эта пена исчезла в 1992 г., когда с либерализацией цен и началом инфляции даже городские сумасшед-

шие сразу поумнели. Но инфляция ударила и по нашим еще не устоявшимся структурам. Фактически все местные организации, с которыми я общался во время своих поездок по России, за 1992–1993 гг. прекратили свое существование.

Зеленое движение в России до 2000 г.

С открытием границ и свободной конвертацией рубля «зеленое движение» разделилось на два направления. Кто-то продолжал работу в России; а кто-то поставил своей целью как можно меньше времени находиться на исторической родине и пользовался любыми приглашениями с Запада, лишь бы только поехать туда «за счет принимающей стороны». К тому же много зарубежных фондов давали гранты на «обмен опытом», на участие в конференциях, семинарах и так далее.

Образовался целый слой людей, живущих с грантов. При этом они брались за любое дело – лишь бы под него можно было бы получить средства. Они были готовы смешно одеваться – в «западном» стиле, ездить в нашей северной стране на велосипедах и не носить меха... Обезьянничание доходило до смешного. Лидер финских «зеленых» никогда не скрывал своей нетрадиционной сексуальной ориентации – и в Питере образовалась группа «зеленых», бравировавших своим гомосексуализмом (о чем писала даже газета «Смена» в статье «Охрана природы в зелено-голубых тонах»). Видимо, это помогало им получать финские гранты. Этот эпизод «зеленого движения» хорошо отражен в книге «Сказки темного леса»².

Я неоднократно говорил об опасности подсесть на иглу грантов; о том, что это вызовет отторжение «зеленых» от местных сообществ, в чьих интересах и на чьи деньги и должны работать «зеленые» организации... Впрочем, лучше послушаем доктора наук, социолога Олега Яницкого, много лет изучавшего «зеленых». Вот что он пишет по поводу проникновения в Россию западных экологических организаций и фондов³:

«Скажем сразу: вестернизация, в том виде, в котором она происходила в те годы, была на 9/10 вынужденной. Два мощных процесса шли в эти годы рука об руку. Первый – это ухудшение национального контекста. Во всех трех странах многие достижения по снижению экологического риска, достигнутые в результате массовых протестных кампаний 1987–1991 гг., были сведены к минимуму. Те немногие экополитики, которым на волне демократического подъема удалось войти в высшие властные структуры (общесоюзный парламент и др.), были вытеснены оттуда или вынуждены сменить политическую окраску. В государственной поддержке зеленым было отказано. Для большого бизнеса они были только помехой. В конечном счете, зеленые были социально и политически маргинализированы. Все это буквально выталкивало защитников среды из процесса реформ.

Второй – это вторжение армады богатых экологических и иных миссионеров с Запада. Это были мощные государственные и общественные организации, десятки частных и общественных фондов, представительства международных экологических организаций, сетевые структуры и огромное число

² <http://lib.rus.ec/b/114695>

³ <http://www.index.org.ru/journal/12/yanitsk.html>

отдельных инициатив. Даже посольства некоторых европейских стран имели свои программы малых грантов для поддержки экоНПО. Чтобы выжить, эти НПО вынуждены были искать ресурсы и защиту на богатом и стабильном Западе. Опасность внезапного открытия границы, государственной и ментальной, была осознана много позже, когда ситуация стала практически необратимой. Это – о ситуации в целом. Теперь о плане социальном, где, как представляется, выигрыш зеленых был наибольшим. За прошедшее десятилетие *тысячи активистов прошли западную школу*. Они научились работать по западным стандартам, интегрировались в сети западных (национальных и международных) экологических организаций, овладели искусством выбивать средства ("фандрайзинг"). И этим спасли себя и свое ближайшее окружение от нищеты и безысходности, их разрушительного воздействия на личность и психику человека. Если говорить об экоНПО, то они, помимо финансовой помощи и доступа к информационным источникам, получили дополнительный социальный капитал в виде престижа и имиджа как уважаемых и ответственных. Основой их благополучия тогда был постоянный приток западных ресурсов в виде денег, оборудования и социальных технологий.

Что потеряли? Прежде всего, *независимость*, которой они обладали, будучи членами неформальных инициативных групп и общественных организаций. Мои опросы 1987–1991 гг. неизменно свидетельствовали, что главными мотивами социального действия эоактивистов советской эпохи были *самоорганизация и самореализация*. Дружинное движение строилось и мотивировалось снизу и изнутри, несмотря на куда более узкий, по современным меркам, коридор его социально-политических возможностей. Дружинное движение тем и отличалось от официозных общественных организаций, что в нем практически не было комплекса „старшего“ и „младшего“ брата. В 1990-х гг. зависящие от западных доноров экологические ячейки во всех трех странах страдали комплексом „младшего брата“.

Хуже, с моей точки зрения, было другое. Зеленые *теряли перспективу*, а иногда и цель своей деятельности. Формат очередного „проекта“, жестко ограниченный временными и ресурсными рамками, приучил активистов действовать теперь лишь короткими перебежками (от заявки до отчета), не позволяя большинству из них мыслить стратегически, ставить перспективные проблемы. Такое „выживание“ очень скоро обернулось для лидеров многих экологических ячеек отказом от самостоятельной постановки проблем, ограничением рутинной работы „от сих до сих“. Собственно говоря, в замкнутых на выполнение грантов малых группах произошло то же, что и в большом обществе: постоянная нужда в деньгах, необходимость следования обязательствам и правилам игры, устанавливаемым международными финансовыми организациями, постепенно вытесняла творческое общение, а вместе с ним и потребность в духовной (идеологической) активности, которая всегда была присуща интеллигенции, этому авангарду экологического движения, на всем пространстве страны.

Справедливости ради надо сказать, что Яницкий говорит про явное меньшинство «зеленых» организаций, хотя они и являются наиболее заметными в медийном плане. Были организации, принципиально

отказавшиеся получать западные гранты, – как наша, например, и многие другие. Большинство «зеленых» организаций России (наверное, 90%) живут на местных ресурсах, работают в интересах местных сообществ и ни разу не подавали заявку на получение западных грантов.

Но системный кризис в «зеленом движении» проявился не только появлением «грантоедов». Рассмотрим, как происходил процесс осознания причин экологического кризиса в «зеленом движении».

Первый напрашивающийся ответ на вопрос о причинах экологического кризиса и методах борьбы с ними звучит так: надо наказать разрушающих природу по всей строгости закона. А для этого их следует задержать и доставить в органы правопорядка. На этой идее было основано движение дружин охраны природы.

Правда, в ходе борьбы с браконьерством выясняется, что браконьеров меньше не становится. Обходя кордоны, нарушая законы, местные жители или городские начальники все равно убивают зверье и глушат рыбу.

Значит, людей надо воспитывать? Да, и лучше – на конкретных примерах, прямо на производстве. Привлекать к охране природы в быту, призывать экономить «ресурсы», приглашать «озеленять» двор, устроить «зеленый офис», заставить экономить воду в унитазе и портить глаза энергосберегающими лампочками. Ведь «кто сам убирает – тот не мусорит». И развернувшаяся мощная природоохранная пропаганда начинает давать плоды: очищаются канализационные стоки, ужесточаются требования к чистоте промышленных выбросов, мусор отправляется на переработку...

А чище не становится. Потому что даже при искреннем желании сохранить природу в чистоте мусор, оставаемый цивилизацией, убрать невозможно (об этом говорит наука термодинамика). Более того – в процессе уборки образуется новый, ранее не учитываемый, мусор. И максимум, что мы можем сделать, – это переложить мусор в те места, где он до поры до времени будет незаметен.

Тогда, возможно, надо принять законы, по которым загрязнять природу станет экономически невыгодно? Пробовали. Заставляли делать водозаборы ниже по течению, чем канализационные выпуски, облагали драконовскими штрафами сверхнормативные выбросы... Выпускники биофаков шли в природоохранные инспекции и во власть – чтобы «у природы везде были свои люди» и «законы заработали». В итоге получился целый пласт различных полунаучных-полуконсалтинговых контор, которые совместными усилиями пролоббировали набор природоохранных законов, совершенно невыполнимых на реальном российском производстве, но позволяющих им лично неплохо существовать на бюджетные или грантовые деньги. А природу продолжали загрязнять «в виде исключения». Потому что любое человеческое действие в своей основе имеет разрушение природных объектов.

А что, если обратиться к опыту зарубежных коллег, спасших Великие озера и очистивших Рейн? Увы, их опыт основан на недостижимых у нас технологической и бытовой дисциплинах, а также на перенесении большей части технологической нагрузки на другие страны.

Тогда – будем сокращать потребление! «Мир должен быть переделан – начнем с себя». Станем вегетарианцами, сядем на велосипеды, будем находить идеал в простых здоровых удовольствиях, поселимся в коммунах и начнем массово применять макробиотику... Молодой человек, попавший в такое «экопоселение», очень скоро выясняет, что подобный образ жизни мало кому нравится. А нравится он почему-то в основном тем, кто не умеет работать (в том числе и на земле). А кто умеет работать, должен иметь стимул – а этот стимул, к сожалению, почти всегда антиэкологичен, так как представляет собой предмет роскоши, то, без чего вполне можно обойтись.

И вот активист «зеленого движения», желающий узнать, как решить экологические проблемы человечества, рано или поздно понимает: сократить потребление – невозможно; переориентировать системы ценностей сколь-нибудь значительной части людей – невозможно даже под угрозой вымирания; сократить выбросы вредных веществ – возможно лишь до определенного предела; изменить мир кардинально – человечество не в силах, и это основной урок «процесса Рио». А что же возможно? Где-то отнять, где-то прибавить... Так давайте усредним на планете и производство, и потребление, равномерно распределив нагрузку на биосферу!

Но встает вопрос: какой уровень жизни взять за базовый? Если всей планетой потреблять по меркам Запада в течение 10–15 лет, вся экономика сколлапсирует от нехватки достижимых нынешней техникой ресурсов. Если поприжать тех, кто побогаче, – коллапс все равно наступит в течение 30–40 лет. Народы третьего мира, получая излишки продуктов и техники с Запада, уже начали усиленно размножаться. Конечно, через 2–3 поколения рост населения у них замедлится – но у планеты нет этого времени.

Значит, необходимо ограничить количество населения!

А как? Пропагандой? Или административными мерами? Не получается, население протестует против ограничения естественного права на потомство. Уничтожение? Геноцид? Численность населения быстро восстанавливается.

Что же, выхода из экологического кризиса нет?

А что, если попробовать не решать за других, а дать всем людям на Земле жить так, как они хотят (и могут)? Разграничить водонепроницаемыми переборками наш тонущий ковчег, и пусть часть будет затоплена – корабль все равно останется на плаву. Тогда выживут те, кому это будет, образно говоря, «по карману». Можно на это возразить – такой подход не гуманен. Человечество надо воспитывать в духе любви и дружбы, взаимопомощи и сотрудничества... Но человечество так воспитывают тысячелетиями, и попытки подобного воспитания всегда давали лишь частный эффект, пригодный лишь для частной жизни. Воспитать в таком духе население Земли в короткий срок – значило бы совершить всемирное насилие в виде глобальной «промывки мозгов». Свобода человека есть ценность, которая выше выживания человечества.

Иногда высказывается такое возражение: гибель 4/5 населения Земного шара, которая неминуемо произойдет, если эту часть населения цивилизованный мир бросит на произвол судьбы, обернется катастрофой для оставшихся. Но это не так. Эти 80%

населения не участвуют в товарном производстве и культурном процессе. Их исчезновение попросту не заметят. Проиллюстрируем этот тезис примером. За годы Второй мировой войны (с 1937 по 1945) в мире погибло более 50 млн человек. Европа подверглась ужасному разрушению. Это была трагедия цивилизации, оставившая глубокий след в культурном контексте всего мира. За другие девять лет (с 1992 по 2000) в мире произошло более 200 вооруженных конфликтов, которые охватили площадь, сопоставимую с театром военных действий Второй мировой. В них погибло более 40 млн человек. От сопутствующих бедствий – болезней, голода – скончалось еще столько же. Мы регулярно получали через телеэкран информацию об их гибели, но иного воздействия на нашу жизнь эти потери не оказали.

Возражение третье. Углубление имущественного неравенства приведет к войне между Севером и Югом. К счастью, здесь наблюдается обратная закономерность. Голодные не воюют. Войны возникают на определенном уровне сытости. Напротив, прекращение западной помощи приведет к прекращению войн, так как воюют европейским оружием на европейские деньги.

Но какая же судьба ждет Россию? Если с почти 100%-ной уверенностью мы можем прогнозировать установление на ближайшие 20–30 лет «однополюсного мира ТНК» и образование глубокой пропасти, куда медленно сползет 4/5 человечества, то куда денемся мы? Примкнет ли Россия к «золотому миллиарду»? Или нет? Или из ее состава вычлениятся прогрессивные регионы, которые войдут в цивилизованный мир?

В общем, вот вопросы, над которыми я размышлял в 1990-х, написав и опубликовав ряд статей и маленькую книжку⁴.

В начале 90-х гг. знакомые по линии руководства компартии уже несуществующего Союза пригласили меня поддержать инициативу Михаила Сергеевича Горбачева и принять участие в создании Международной организации «Зеленый крест». Мы создали региональную организацию и стали учредителями Российского Зеленого креста, а тот, в свою очередь, стал учредителем Международного сообщества. Не буду здесь рассказывать о том, что такое «Зеленый крест» и каковы были его успехи. Главное – то, что в России появилась сеть организаций, работающих в интересах местных сообществ, и благодаря их деятельности кризис в «зеленом движении» был временно преодолен.

Но вначале – еще о причинах кризиса от Олега Яницкого...⁵

«Что же касается экологического движения, то прошедшие 20 лет – это непрерывные усилия его европеизации западными миссионерами. Их настойчивость вполне объяснима, потому что наличие „ядер“ европейски ориентированных гражданских организаций (на их языке, „семян демократии“) было необходимым инструментом для продвижения на Востоке целей и ценностей западного мира – без опоры на

⁴ http://www.u-shevchuk.ru/index.php?id_c=3; Барановский С.И., Богачев В.Ф., Шевчук Ю.С. Управление Будущим. Очерки растущей идеологии. – СПб.: ИД «Корвус», 1997.

⁵ Яницкий О. Досье инвайронменталиста. Очерк интеллектуальной биографии. <http://www.isras.ru/files/File/publ/Yanitsky.pdf>

сеть местных сообществ этого достичь просто невозможно. Но русским-то было над чем задуматься!

Стремительная вестернизация создала у вовлеченных в нее эоактивистов ощущение раздвоенности и психологическую напряженность. С одной стороны, „они“ – более других продвинуты на Запад, укоренены в международных сетях, владеют интернациональными ноу-хау, оснащены новейшей техникой, названия их организаций включены в справочники и директории по всему миру. Но с другой – что же будет с ними завтра, если привычный финансовый источник вдруг иссякнет? Кому они здесь нужны?

Вольно или невольно, приоритетными становились не насущные проблемы страны, а те виды деятельности, которые поддерживали организацию на плаву.

За возможность доступа в качестве наблюдателей (реже, участников) к процессам европейской и глобальной экологической политики российские зеленые фактически заплатили политической маргинализацией на родине.

Политическая маргинализация российских зеленых позволила Западу уже с конца 1980-х гг., но особенно после развала СССР, вести в отношении экологических организаций на всем постсоветском пространстве целенаправленную политику вестернизации, понимаемую здесь как комплекс мер по перестройке этих организаций и их деятельности по западным стандартам.

Теперь – о финансировании. Прежде всего, западные доноры руками своих организаций в центре России и на местах строго задавали систему приоритетов. Это означало, что тематика проектов зачастую была весьма далекой от интересов или возможностей местных активистов.

Система грантов была по существу дискриминационной, поскольку заявки зачастую оценивались не по существенным критериям, а по качеству английского языка, соответствия текста заявки заданному формату и др.

Главным результатом политики вестернизации рассматриваемого периода была трансформация экологического движения во множество относительно автономных образований (инициатив, НПО), внутри которых могли существовать еще более дробные ячейки – проекты. Да, Запад построил и получил если не контролируемую, то всегда доступную сеть организаций. Сеть обширную, но с низким мобилизационным потенциалом.

Сеть и социальная база движения (constituency) далеко не одно и то же.

Запад, помогая России создать зеленую сеть, способствовал выживанию зеленого сообщества, но фактически лишил его возможности быть серьезной политической силой на общественной арене.

По сути, российские зеленые уже давно политические маргиналы. Мобилизация сил зеленых на поиск финансовых ресурсов привела их в тот период к социальной демобилизации.

„Снижение“ проблемы давало активистам шанс на получение следующего гранта и уменьшало вероятность конфликтов с властными структурами. Здесь западная помощь сыграла на руку местным бюрократам, которые могли больше не опасаться нестандартных мыслей и неожиданных акций зеленого сообщества.

Зеленые быстро ушли с политической арены, благо открылся источник независимого, как им тогда казалось, и безбедного существования.

Таким образом, цена, которую заплатили российские зеленые за выживание, оказалась очень высокой. Это был неэквивалентный обмен. Компьютерное „железо“ плюс массовый стандартный программный продукт обменивался на уникальный интеллектуальный продукт. Причем – двух видов: информация в режиме онлайн об экологической ситуации в России, о динамике экологического движения, его союзниках и противниках, и – информация прогностическая, „фьючерсная“. О последней надо сказать особо. Дело в том, что, только анализируя заявки на гранты, поступающие к западным грантодателям со всех концов страны, то есть бесплатно, западные правительственные и частные фонды получали целые пакеты инноваций, касающихся новых форм и способов борьбы с нарушителями закона, специфики всего этого в тысячах региональных этнополитических ситуаций и т. д. и т. п. Просто бесплатная „раздача слонов“! Эколидеры из столиц и глубинки не осознавали ценности отдаваемого. Таков был их советский менталитет, на котором наживались западные либералы от экологии».

Зеленое движение после 2000 г. (эпилог)

Современный период развития движения интересен тем, что все задачи, которые движение могло выполнить в России, оно выполнило. Да, осталось множество частных случаев, куда можно приложить силу, – но, в общем-то, стало понятно, как надо и как НЕ надо действовать. Стали понятны ограничения движения, его цели и задачи. Наконец, стал ясно виден неизбежный и близкий конец движения, связанный с замещением европейцев в планетарном масштабе на иные расы и этносы, которые имеют совершенно иные представления о природе, месте в ней человека и общественных движениях.

Разумеется, рефлексируют о судьбе движения единицы из числа природоохранных активистов. Давно уже не собираются конференции с теоретической повесткой дня. Лидеры движения часто просто боятся рассказать правду о перспективах своим младшим единомышленникам.

Тематика текста не соответствует рассказу о достижениях – однако же мне хочется отметить, что за прошедшее десятилетие нашей организацией в содружестве с конструктивно настроенными «зелеными» удалось сделать очень многое и в Петербурге, и в Ленинградской области. Интересующихся я отсылаю к нашим официальным отчетам⁶. Главное – в регионе сейчас действует хорошо отлаженный механизм взаимодействия общества и власти. Критика со стороны маргинальных «зеленых», отрабатывающих западные гранты, в данном случае не в счет. К тому же в скором времени подача грантов прекратится – либо устанут от обмана реципиентов «западные» доноры, либо российское законодательство начнет, наконец, реально бороться с зарубежными «агентами влияния» (впрочем, этому уже положено начало, вышел новый Закон об НПО), и эти три-четыре живущие на гранты организации лопнут, как мыльные пузыри.

⁶ <http://www.green-cross.net/content.php?content.7>

Но все же главным достижением последнего десятилетия для меня остается появление понимания, что же есть такое общественная экологическая деятельность.

На мой взгляд, экологическая деятельность в независимом общественном движении – это в первую очередь обучение применению норм экологического мировоззрения в повседневной жизни. Экологическое мировоззрение по сути является мировоззрением эсхатологическим и основано на осознании того, что человечество – часть глобальной «пищевой пирамиды». Следовательно, человечество в целом и каждый человек в отдельности не может существовать, не разрушая природу и не убивая живые организмы. В ходе развития цивилизации человечество выработало ряд моральных систем, в подавляющем большинстве которых «все, что приносит смерть, – зло, все, что служит к продолжению жизни, – благо» (А. Швейцер). Следовательно, люди в большинстве своем признают, что убийство живых существ противоречит нормам морали, что существование человечества, равно как и жизни на Земле в целом, основано на убийстве и разрушении, которые считаются «необходимыми», так как они служат продолжению жизни. Но принесение смерти одним ради жизни других все равно является злом. Иначе таким постулатом можно оправдать любое преступление, в том числе и геноцид целых народов. Следовательно, практика существования человечества является аморальной.

В большинстве моральных и религиозных систем человечества признается двойственная сущность людей и наличие неразрешимых противоречий между их духовной сущностью и материальным (физическим) телом. Следовательно, понимание аморальности существования физического тела человека наличествует практически столько, сколько существует современная цивилизация.

Смерть неизбежна, следовательно, процесс жизни, основанный на смерти других живых существ, неминуемо оканчивается смертью его носителей.

Энтропия на Земле всегда возрастает, любое человеческое действие, даже имеющее целью защиту природы и жизни, производит отрицательный эффект, выражающийся в непрямом разрушении природы и гибели живых существ, причем совокупные последствия от данного отрицательного эффекта значительнее, чем прогнозируемые положительные последствия. Частный случай данного следствия: утилизация вторичного сырья не уменьшает количество отходов, но увеличивает их, только в иной форме. Побочный вывод из сказанного: единственный действенный путь охраны окружающей среды состоит в бездеятельности (например, в отказе от продолжения рода и т. д.), то есть априори невозможен для цивилизации.

Если энтропия на Земле всегда возрастает, следовательно, антиэнтропийные (негэнтропийные) явления усложнения материи, нервной системы, мозговой ткани, сигнальных систем человеческой психики и так далее, приведшие к появлению современного человеческого разума, лишь кажутся антиэнтропийными, так как имеют локальный антиэнтропийный эффект, но на большом отрезке времени лишь увели-

чивают энтропию, что мы наблюдаем, изучая историю человечества. Возможный вывод: человечество является инструментом для многократного ускорения энтропийных процессов.

Процессы, необходимые для существования человечества и ведущие к разрушению природы и убийству живых существ, аморальны, следовательно, гибель человечества и (или) цивилизации не является абсолютным злом, так как разрушение аморальной системы не может быть злом.

Гипотетически разум может существовать на базе носителя, не включенного в пищевую пирамиду и, следовательно, существующего без противоречия морали по Канту–Швейцеру (допустим, например, что разум может существовать в виде энергетических полей). Следовательно, хотя бы теоретически разум может быть свободен от осознания своего существования как противоречащего «категорическому императиву» Канта.

Возрастание энтропии во Вселенной не противоречит развитию разума вне белковых носителей. Возникает же разум лишь в процессе усложнения структуры любого возможного его носителя, в процессе увеличения разнообразия элементов этой структуры. Однако: «В пределе разнообразие – это и есть хаос»: Н. Моисеев⁷.

Гибель человечества неизбежна, но не является трагедией, так как человечество вполне осознает аморальность практики своего существования и признает (в лице своих духовных лидеров – пророков и философов) неизбежность и закономерность своего исчезновения, о чем свидетельствует эсхатология практически всех религий мира. Экстраполируя происходящие события в природе и учитывая, что данные энтропийные процессы имеют однонаправленный вектор, можно прогнозировать, что гибель современной цивилизации произойдет в исторически близкий нам период.

Попробуем сделать выводы из вышеизложенного.

Во многих религиях мира духовная сущность людей бессмертна; следовательно, земная жизнь – лишь школа для развития творческих способностей тех, кого ждет в дальнейшем слияние с Творцом, Вселенским разумом и так далее. Но даже если душа не обладает бессмертием, экологическое мировоззрение, равно как и религиозное эсхатологическое мировоззрение, помогает понять, как надо жить и действовать, твердо зная, что будущего не будет.

Надо просто делать то, что считаешь нужным, делать вне зависимости от того, имеет ли это смысл в отсутствии многолетней перспективы. (Пример: сажать деревья правильно не потому, что они будут полезны для ваших внуков; возможно, внуков и не будет, а потому, что сажать деревья – нравственно.) Считаю, общественная деятельность в экологическом движении сейчас – всего лишь набор правильных норм поведения человека перед лицом обстоятельств непреодолимой силы. Правда, из этого не следует, что она должна быть абсурдной, – все же приложить свои силы хочется с достижением хотя бы временного положительного результата, пусть даже заранее зная о невозможности изменить гибельную ситуацию.

⁷ Моисеев Н. Н. Восхождение к Разуму: Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. – М.: ИздАТ, 1993. – 174 с.